

ЕЩЕ О ГАРШИНЕ И О ДРУГИХ

Источник: Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. - М., 1957. С. 312 -317.

Оригинал в формате pdf: <http://www.philolog.ru/filolog/writer/mihajlov.htm>

Я должен вернуться на минуту к г. Гаршину. Он обратил мое внимание на одну ошибку, в которую я впал в прошлом (декабрьском) дневнике, говоря о его рассказе "Ночь". Передавая содержание этого маленького рассказа, я писал, что герой, решившийся на самоубийство, но остановленный на некоторое время напором жизнерадостных чувств, в конце концов, однако, все-таки застрелился. В. М. Гаршин пояснил мне, что я ошибся: Алексей Петрович (герой "Ночи") не застрелился; он умер от бурного прилива нового чувства, физически выразившегося разрывом сердца. Разница, конечно, большая. Я думаю, однако, что не один я ошибался на этот счет, и потому вдвойне спешу поправить свою ошибку. Но постараюсь также несколько оправдаться.

Алексей Петрович, измученный ложью, не только окружающею его со всех сторон, но и в его собственной душе, как он думает, свившею себе прочное пожизненное гнездо, решает покончить с собой и делает все нужные приготовления: достает у приятеля обманным образом револьвер, заряжает его, взводит курок. Перед смертью он оглядывается назад, на свое прошлое, и вспоминает детские годы, когда лжи в его жизни не было. Отчего же не было и чем положительным выражалось это отсутствие лжи? Алексей Петрович добирается до ответа на этот вопрос: была настоящая, подлинная связь с людьми, хоть бы с нищими. И потом опять отрицательные результаты: не было "одинокости в толпе", не сложился еще тот узкий личный мирок, то всепожирающее и в то же время сиротливое Я, в котором он потом погряз. Но не может ли он и теперь расширить свое личное существование, связать себя с общею жизнью, установить прочные и настоящие, не лживые связи с людьми? Два голоса борются в душе Алексея Петровича. Один говорит, что это не нужно и невозможно, другой обнадеживает и зовет к жизни. Алексей Петрович раздумывает:

Нужно "отвергнуть себя", убить свое я, бросить на дорогу...

-- Какая же польза тебе, безумный? -- шептал голос.

Но другой, когда-то робкий и неслышный, прогремел ему в ответ:

-- Молчи! Какая же польза будет ему, если он растерзает себя?

Алексей Петрович вскочил на ноги и выпрямился во весь рост. Этот довод привел его в восторг. Такого восторга он никогда еще не испытал ни от жизненного успеха, ни от женской любви. Восторг этот родился в сердце, вырвался из него, хлынул горячий, широкой волной, разлился по всем членам, на мгновение согрел и оживил заочневшее несчастное существо. Тысячи колоколов торжественно зазвонили. Солнце ослепительно вспыхнуло, осветило весь мир и исчезло.

.....

Лампа, выгоревшая в долгую ночь, светила все тусклее и тусклее и, наконец, совсем погасла. Но в комнате уже не было темно; начинался день. Его спокойный серый свет понемногу вливался в комнату и скудно освещал заряженное оружие и письмо с безумными проклятиями, лежавшее на столе, а посреди комнаты -- человеческий труп с мирным и счастливым выражением на бледном лице.

Я сделал полную и точную выписку конца "Ночи": строка точек имеется и в подлиннике, и в ней-то я и прочел новый психический толчок и затем треск и блеск револьвера, момент выстрела. Правда, серый свет утра освещает "заряженное" оружие, но этот единственный намек на то, что выстрела не было, я, каюсь, просмотрел, как, смею думать, большинство читателей г. Гаршина. Смею думать также, что ошибка моя несколько не колеблет тех выводов, к которым я пришел относительно писаний г. Гаршина вообще.

Алексей Петрович мог бы сказать о себе, как Фауст: "Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust"/* - *Две души живут в моей груди (нем.). -- Ред.*]. Два голоса явственно полемизируют в нем. Один, не только ласковый и любящий, но и разумный, удостоверяет, что не все потеряно, что возможна новая жизнь, светлая, широкая, не из-под палки какой-нибудь, а свободно сливающаяся с жизнью других людей. Это потому голос, не только любящий, а и разумный, что удостоверяет, что и "пользы", выгоды нет жить так, как жил Алексей Петрович до сих пор. Другой голос, злой и глупый, утверждает, что все это вздор. Это злой голос, потому что, соблазняя человека, он обрекает его на муки, которых тот и без того принял сверх всякой меры; но вместе с тем это и глупый голос, потому что для Алексея Петровича все равно нет возврата на ту дорогу себялюбивого и сиротливого существования, которую он пробежал всю, вплоть до ее естественного конца -- самоубийства. Победа злого и глупого голоса только и могла выразиться